

с известным знатоком французской литературы средневековья Пóленом Парисом, он предпринял новое, расширенное издание, которое закончилось печатанием в 1860 г. Несмотря на значительные кушоры и смягченные отдельные места, книга Таллемана вызвала возмущение. Это вполне понятно. Слишком противоречил весь тон «Занимательных историй» тем представлениям, которые сложились в то время о XVII в. и о королевском дворе этой эпохи. Одни критики объявляли книгу очередным анокрифом, другие осыпали автора pedestальными эпитетами, называя его клеветником и сплетником.

Первый, кто оценил своеобразие фигуры Таллемана как свидетеля своей эпохи, был французский критик Сент-Бёв. «Мир, который показывает нам Таллеман, — пишет он в конце 50-х годов — это Город в собственном смысле слова, Город в эпоху Мазарини... Это тот Париж, где свуют во все стороны богатые, дерзкие и свободные буржуа, чьи типы мы находим у Мольера...»⁴ Сент-Бёв объявил Таллемана «лучшим наблюдателем салона де Рамбуайе и всего этого утонченного общества», о котором «он судит с истинно французским остроумием того славного времени, как и подобает другу Патрю».⁵ Сент-Бёв в сущности был первым, кто ввел имя Таллемана в историю французской литературы, указав на органическую связь его литературной манеры с традицией Рабле и французских фавлю.

Работа по изучению книги Таллемана шла на протяжении всей первой половины XX в. Однако подлинно научное осмысление этого памятника стало возможным лишь после выхода в свет в 1960 г. полного издания «Historiettes», подготовленного Антуаном Аданом. Это издание, включающее в себе более тысячи страниц комментариев, открыло широкие возможности для более глубокого прочтения «Занимательных историй» как историками, так и литературоведами.

За минувшее десятилетие о Таллемане де Рео появился ряд работ, и не только французских, но и английских и американских ученых.

* * *

Не так давно в зарубежной научной прессе возникла небольшая дискуссия о том, следует ли считать Таллемана де Рео историком или писателем. Один из участников этого спора — Фелисьен Марсо, — сравнивая «Historiettes» Таллемана с мемуарами Сен-Симона, приходит к заключению, что, поскольку оба они в сущности не столько писали историю своего времени, сколько рисовали портреты своих современников, их и следует рассматривать как писателей, представляющих распространенный в XVII в. литературный жанр портрета.⁶ Спор этот в данном случае бес-

⁴ Sainte-Beuve. Op. cit., p. 183.

⁵ Ibidem, p. 186.

⁶ См.: Wortley W. V. Tallemant des Réaux. The man through his style. Haag—Paris, 1969, p. 16—17.